

- Винокурова Э.П.** Металлические литые кресты-тельники XVII века // Культура средневековой Москвы. XVII век. – М.: Наука, 1999. – 360 с.
- Дебец Г.Ф.** Об изучении физического развития древних народов // Тез. докл. заседания, посвященного итогам полевых исследований. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 11 – 29.
- Дебец Г.Ф.** Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей. – М.: Наука, 1964. – 11 с.
- Дерябин В.Е., Пурунджан А.Л.** Географические особенности строения тела населения СССР. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 191 с.
- Ефремова В.П.** Морфофункциональные показатели физического развития мужского населения Красноярского края: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Красноярск, 1997. – 21 с.
- Звягин В.Н., Григорьева М.А.** Метод установления соматотипических особенностей человека при судебно-медицинской экспертизе костных останков. – М.: Республ. центр суд.-мед. экспертизы, 2001. – 26 с.
- Мешалкин П.Н.** Красноярск: Очерки истории города. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. – 167 с.
- Миценко Н.А.** История Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1981. – 140 с.
- Николаева И.Б.** Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 1963. – С. 115 – 121.
- Павлов Н.П.** Промысловая колонизация Сибири в XVII веке. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1974. – 237 с.
- Писарев М.Н.** Сибирь: География и история края. – М., Пг.: Тов-во В.В. Думкова, наследника Салаевых, 1915. – 169 с.
- Пурунджан А.Л., Година Е.З., Хомякова М.А., Задорожная Л.В.** Особенности эпохальных изменений размеров тела и головы детей и подростков Республики Беларусь и Московского региона // Материалы IV Междунар. конгр. по интегративной антропологии. – СПб.: С.-Петербург. гос. мед. ун-т, 2002. – С. 125 – 138.
- Тарасов А.Ю.** Некрополь Покровской церкви Красноярского острога (предварительное сообщение) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000а. – Т. 2. – С. 150.
- Тарасов А.Ю.** Исторические некрополи Красноярска XVII – XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2000б. – С. 192 – 194.
- Тарасов А.Ю.** Красноярск XVII – XVIII вв. // Материалы науч.-практ. конф. “Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии”. – Красноярск, 2001. – С. 64 – 67.
- Тарасов А.Ю.** Раскопки Покровского некрополя Красноярского острога // АО 2001 г. – Москва: Наука, 2002. – С. 470 – 471.
- Тарасов А.Ю.** История изучения Красноярского острога // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2003. – Вып. 2. – С. 78 – 81.
- Тихонов А.Г.** Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 35 с.
- Федосова В.Н.** Соматотипические особенности популяций по остеологическим материалам // Вопр. антропол. – 1987. – Вып. 79. – С. 140 – 149.
- Ходкевич О.А.** Морфофункциональные показатели физического развития женского населения Красноярского края: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Красноярск, 1997. – 24 с.
- Хрисанфова Е.Н.** Палеоантропологический аспект изучения конституции // Вопр. антропол. – 1979. – Вып. 62. – С. 3 – 11.
- Щедрин А.С.** Закономерности анатомической изменчивости организма мужчин современной популяции // Материалы IV Междунар. конгр. по интегративной антропологии. – СПб.: С.-Петербург. гос. мед. ун-т, 2002. – С. 427 – 428.
- Olivier G.** L'estimation de la stature par les os longs des membres // Bull. et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris. Ser. XI. – 1963. – Vol. 4, N 3. – P. 53 – 62.
- Pearson K., Lee A.** On the reconstruction of the stature of prehistoric races // Philosophical Transactions of the Royal Society. Ser. A. – 1899. – Vol. 192. – P. 203 – 212.
- Trotter M., Gleser G.** Estimation of stature from long bones of American Whites and Negroes // Am. J. of Phys. Anthropology. New ser. – 1952. – Vol. 10, N 4. – P. 89 – 98.

Материал поступил в редколлегию 28.02.03 г.

УДК 572

М.Л. Бутовская, Е.Ю. Бойко, Э.Б. Гучинова*Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский просп., 32а, Москва, 117334, Россия
E-mail: butovsk@orc.ru*

ПОРЯДОК РОЖДЕНИЯ И ПРИВЯЗАННОСТЬ К РОДСТВЕННИКАМ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

В исследованиях в области эволюционной антропологии в последние годы большое внимание уделяется вопросу о роли раннего социального опыта в формировании особенностей поведения человека и его жизненного успеха [Бутовская, Бойко, 2001; Buss, 1999; Salmon, Daly, 1998]. В непосредственной связи с этой проблематикой изучаются стратегии манипулирования родительским вкладом и избирательностью в отношении родителей к детям разного пола и ранга по порядку рождения [Trivers, 1972; Trivers, Willard, 1973; Sulloway, 1996; Hrdy, 1999; Rohde et al., 2003].

Этнографическая литература изобилует фактами родительского фаворитизма в направлении мальчиков, однако объяснить глубинную природу данного явления стало возможным лишь с введением в научный оборот теории родительского вклада и представлений о кардинальных различиях в размерах репродуктивного успеха для мужчин и женщин [Trivers, Willard, 1973; Symons, 1980; Clutton-Brock, 1991; Mealey, 2000]. Предпочтение детей определенного пола может зависеть от экологических условий, экономического достатка и от того, представители какого пола имеют больше шансов заключить успешный брак (подробнее см.: [Бутовская, Бойко, 2001]). В большинстве культур рождение мальчика-первенца – большой праздник для семьи, тогда как на рождение девочки реагируют значительно более сдержанно [Тер-Саркисянц, 1998; Эрдниев, 1980]. Однако в ряде культур (например, в Микронезии, у венгерских цыган – жителей сельской местности), где за девочками-первенцами закреплена роль помощниц-нянек,

может наблюдаться противоположная картина: родители больше рады, когда первым ребенком является девочка. В семьях городских венгерских цыган также отдают предпочтение девочкам: их дольше кормят грудью, они получают лучшее образование [Bereczkei, Dunbar, 1997]. В силу низкого статуса цыган в венгерском обществе мужчины-цыгане не имеют практически никаких шансов на брак с девушками из более состоятельных венгерских семей, тогда как для девушек-цыганок гипергамия – достаточно распространенное явление. Резкая смена в предпочтениях в пользу девочек отмечена у макогодо, недавних охотников-собираателей Центральной Кении [Cronk, 1991]. Макогодо отдают своих дочерей в жены соседям-масаям, обладающим более высоким социальным статусом и более состоятельным в экономическом плане.

Согласно эволюционной психологии, порядок рождения наряду с полом является одним из факторов, напрямую влияющих на адаптацию человека к социальному окружению, и одной из детерминант жизненного успеха [Salmon, 1998; Buss, 1999]. Эффект порядка рождения становится понятным, если рассматривать его как одно из проявлений эволюционно-стабильных стратегий поведения. Предполагается, что порядок рождения определяет семейные “ниши”, различающиеся по степени зависимости от родительского вклада и по детерминируемой ими в дальнейшем социальной ориентации индивида [Sulloway, 1996]. В основе эволюционно-психологической концепции порядка рождения лежит теория “конфликта между родителями и потомством”, согласно которой каждый ребенок требует от родителей больше ресурсов, чем те могут предоставить [Trivers, 1974]. Тео-

ретически брат или сестра должны являться социальными союзниками, однако известно, что сиблинги постоянно соперничают за внимание родителей и за их ресурсы, которых всегда оказывается недостаточно.

На фоне конфликта “родители – дети” первые склонны избирательно относиться к своему потомству [Trivers, Willard, 1973; Daly, Wilson, 1984, 1995]. Фаворитизм проявляется в самых разных сферах жизни, начиная с питания и заканчивая проявлением родительской ласки. В результате у детей вырабатываются адаптивные стратегии получения доступа к родительским ресурсам, а отношения сиблингов часто носят амбивалентный характер [Buss, 1999].

Совокупная приспособленность родителей напрямую связана с будущей репродуктивной способностью детей [Hamilton, 1964]: чем больше здорового потомства оставят дети, тем более успешными оказываются их родители с точки зрения эволюционной теории. В силу этих рассуждений очевидно, что старший ребенок является более “ценным ресурсом”, ибо он имеет все шансы стать родителем при жизни своих отца и матери раньше, чем младшие сиблинги.

Родительский фаворитизм в отношении старшего ребенка бывает всячески замаскирован (родительское отношение меняется в соответствии с меняющимися потребностями и возможностями ребенка), однако он становится очевидным при необходимости выбора в экстремальной ситуации: когда один ребенок должен быть принесен в жертву, чтобы спасти остальных, с наибольшей вероятностью пожертвуют младшим, и это является кросс-культурной универсалией [Daly, Wilson, 1984, 1995; Бутовская, Бойко, 2001]. Поэтому именно собственная безопасность делает старших детей защитниками родительских ценностей, более консервативными и желающими сохранения status quo в семье, в то время как остальные дети, и особенно средние, более склонны быть “бунтовщиками и мятежниками” [Sulloway, 1995, 1996].

Чем старше родители, тем больше они вкладывают в своих детей, потому что вероятность появления новых детей с возрастом становится все меньше. Ценность ребенка любого возраста у пожилых родителей возрастает, т.к. их совокупная приспособленность начинает все больше зависеть от репродуктивной способности детей [Salmon, 1998]. Несмотря на то что изначально более высокий статус и большая включенная приспособленность дают старшему ребенку “преимущество в снижении родительского вклада” [Sulloway, 1996, p. 305], оно может быть нивелировано растущим желанием стареющих родителей посвятить себя младшему ребенку, как последнему произведенному ими наследнику, кроме того, самому слабому и уязвимому в силу возраста.

Последний ребенок обычно становится “маленьким любимцем всей семьи”. В результате в проигрыше по всем статьям остаются средние отпрыски. Даже если родители, казалось бы, обо всех заботятся одинаково, в целом средние дети получают меньше ресурсов, чем остальные. Случайно ли, в таком случае, что средние дети стремятся быстрее обрести независимость от семьи, обеспечивать себя сами и заводить свою собственную семью?

Особенности отношений между родителями и детьми в изученных выборках: традиции и современность

В трех из четырех исследованных нами культур продолжает проследиваться некоторая специфика родового общества [Басаева, 1980; Вяткина, 1969; Карапетян, 1958; Нацов, 1995; Хаптаев, 1984; Тер-Саркисянц, 1998; Червонная, 1997]. У армян, бурят и крымских татар зачастую сохраняется трехпоколенная семья. Например, у бурят доля таких семей составляет от 19 до 40% в зависимости от региона, и эти показатели намного выше, чем у русских, живущих в Бурятии [Хаптаев, 1984]. Живы традиции большой патриархальной семьи. В частности, наблюдаются исключительная прочность родственных уз, особенно проявляющаяся во время каких-либо знаменательных семейных событий, и забота о родственниках, давно отделившихся и живущих своей семьей. У бурят, равно как у армян и крымских татар, очень редки случаи, когда старики-родители живут отдельно от женатых детей, если неженатых уже не осталось. В сельской местности женатому сыну строят дом по соседству с отцовским, а дочь переселяется в дом мужа. Молодая семья сохраняет с родителями общность хозяйства и бюджета, т.е. семья фактически остается общей, единой, хотя ее члены живут в разных домах.

Дети для бурятской семьи – главная ценность и гордость. До революции 1917 г. по обычному праву у бурят допускалось многоженство (не более трех жен), если не было сыновей [Вяткина, 1969, с. 46]. В ламаистском обряде “нилхасан далалга” – призывании благодати на рождение детей, еще широко распространенном в начале XX в., речь идет именно о сыне: если “придет ребенок, то пусть приходит только мальчик” [Нацов, 1995, с. 38 – 42].

Девочки привлекались к труду раньше, чем мальчики. В семьях, где были и те и другие, мальчик пользовался некоторыми привилегиями, в то время как девочка с ранних лет включалась в посильный домашний труд и использовалась как помощница гораздо в большей степени, чем мальчик [Басаева, 1980, с. 103].

У армян каждая крестьянская семья стремилась иметь как можно больше детей. Как и буряты, они особенно радовались рождению мальчиков [Тер-Саркисянц, 1998]. В народе говорили: “Один слепой сын лучше семерых здоровых дочерей”. На свадьбе невесте желали первенца-сына. Дочь была желанна только при наличии в семье нескольких мальчиков. Рождение сыновей традиционно считалось настолько важным, что армяне, например, если хотели узнать, хорошая или дурная весть их ждет, иносказательно спрашивали: “Мальчик или девочка?” И в наши дни, по данным А.Е. Тер-Саркисянц [Там же], фаворитизм в направлении мальчиков продолжает сохраняться в отдельных семьях. В традиционной армянской семье детям с раннего возраста прививают уважение к старшим и родителям.

Прочные родственные связи у бурят, крымских татар и армян сохраняются не только между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, но и между родственниками второй и даже третьей степени родства и выражаются в постоянных тесных контактах, взаимовыручке и взаимоподдержке. Оказание материальной или моральной помощи кому-либо из родственников, особенно близких, считается делом обязательным и не подлежащим обсуждению, это норма общежития [Червоная, 1997; Хаптаев, 1984].

Цель данной работы – эмпирическая проверка универсальности эволюционно-психологической концепции порядка рождения Ф. Салловэя применительно к формированию избирательных отношений между родителями и детьми с разным рангом по рождению в четырех культурах – русской, армянской, бурятской и крымско-татарской.

Нами были проверены следующие гипотезы:

1) материнский фаворитизм в отношении старшего ребенка в многодетной семье будет преобладать во всех четырех исследованных нами культурах, поскольку существует вероятность того, что старший ребенок быстрее вступит в брак и произведет потомство;

2) эффекты порядка рождения, связанные с привязанностями к родственникам и неродственникам, будут отвечать ожиданиям эволюционных психологов только в выборке русских, относящихся полностью к постиндустриальной культуре;

3) дети с тем или иным рангом по порядку рождения будут характеризоваться определенными чертами личности в соответствии с ожиданиями эволюционных психологов во всех исследованных нами культурах.

В ходе проверки данных гипотез были поставлены следующие задачи:

– оценить закономерности формирования таких детерминант личности, как степень привязанности к семье и отдельным ее членам, семейные позиции (роли),

черты личности (амбициозный/трудолюбивый – мечтательный, жесткий – мягкий, трезвый/серьезный – любитель развлечений, соблюдающий условности – чуждый условностям, спокойный/расслабленный – тревожный);

– провести кросс-культурное сравнение получившихся “портретов” средних детей на фоне всех представителей каждой конкретной выборки;

– выявить культурные различия по исследуемым параметрам.

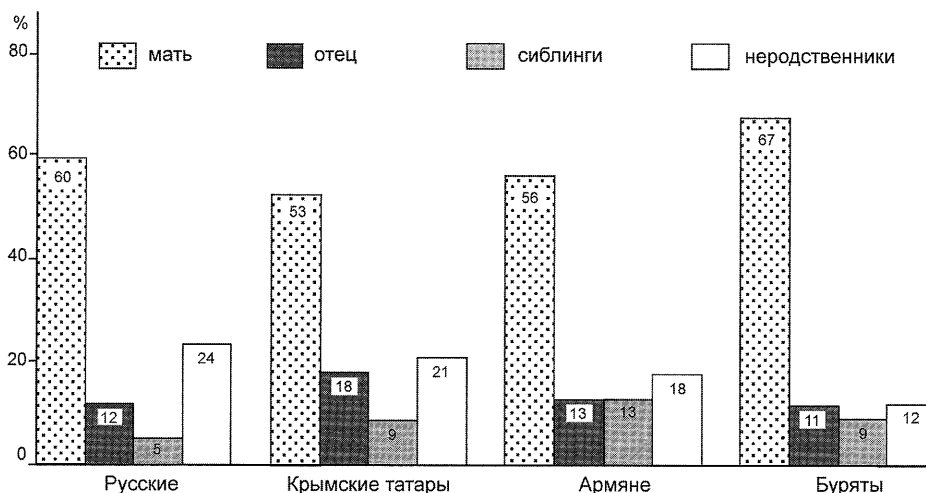
В нашей работе уделено особое внимание средним детям, т.к. именно их поведение представляет наибольший интерес с точки зрения эволюционно-психологической концепции Ф. Салловэя.

Методы исследования

Объектом исследования послужили московские, симферопольские, ереванские и улан-удэнские студенты, росшие до 10 лет в полной семье. Московские студенты – в подавляющем большинстве русские, атеисты либо православные; симферопольские – крымские татары, исповедующие ислам; ереванские – армяне, последователи армяно-григорианской церкви; улан-удэнские – буряты, приверженные тому уникальному соединению шаманизма и ламаизма, которое исторически сформировалось в Бурятии [Вдовин, 1979; Жуковская, 1997]. Испытуемые, как правило, знали кроме русского и свой национальный язык. Их возраст колебался от 15 лет 6 месяцев до 29 лет 8 месяцев, средний возраст – 20 лет. Для анализа были отобраны только представители среднего социально-экономического класса и только респонденты, имеющие родных братьев и сестер (разница в возрасте с которыми не превышала восьми лет). Всего обследовано: русских 304 чел. (84 юноши и 220 девушек), крымских татар 303 (130 и 173 соответственно), армян 444 и бурят 168 чел (72 и 96). Изучены следующие категории респондентов: старшие, средние и младшие дети из многодетных семей (для удобства в дальнейшем будут использоваться сокращения – соответственно СтМ, СрМ, МлМ), старшие (СтД) и младшие дети (МлД) из двухдетных семей, а также единственные дети (Ед).

Необходимо пояснить: среди респондентов нет реальных сиблингов; “старшие”, “средние”, “младшие” означает, что в выборке оказалось соответствующее количество респондентов данной категории по порядку рождения.

Опросы проводились методом группового анкетирования в вузах. Студенты в присутствии исследователя заполняли бланки анкеты, разработанной Ф. Салловэем и П. Рёдом с соавторами с целью проведения кросс-культурных исследований эффектов

Кросс-культурные различия по выбору объекта привязанности.

порядка рождения и адаптированной нами с учетом российской постсоветской культуры [Бутовская, Бойко, 2001]. Сведения об анкете представлены в нашей ранней работе.

Полученные данные обрабатывались методами математической статистики с помощью компьютерной программы SPSS 9.0 (анализ частот распределения признаков, метод крайних групп, во всех возможных случаях проверялся уровень значимости различий).

Результаты анализа данных разделены на блоки. Мы выявили, какие закономерности обнаруживают респонденты разного ранга по порядку рождения по следующим параметрам:

- привязанности к матери, отцу, сиблингам и неродственникам;
- связь материнского фаворитизма с привязанностью индивида к матери;
- возраст матери на момент рождения респондента;
- наличие постоянного партнера как косвенный признак склонности общаться вне семьи;
- связь привязанности индивида к матери с его “семейной ролью” (мятежник, миротворец);
- связь привязанности индивида к матери с пятью его личностными чертами.

Сравнивались данные, полученные в разных выборках, и отдельно оценивались тенденции, проявляемые средними детьми.

Выбор объекта привязанности

Мы анализировали степень привязанности испытуемых к тому или иному человеку из его ближайшего окружения (близкие родственники, друзья и половые партнеры). Сравнительный анализ по четы-

рем культурам позволил выявить ряд общих закономерностей и достоверные культурные различия по степени привязанности респондентов к родственникам и неродственникам, а также к разным членам семьи в пределах категории родственников (тест Краскела – Уоллиса для сравнения средних в трех и более выборках, $\chi^2 = 9,563$, $df = 3$, $p < 0,05$) (см. рисунок). К матери больше всего были привязаны буряты (67% всех опрошенных) и меньше всего крымские татары (53%). С выбором отца ситуация обратная: крымские татары выбирали его чаще других (18%), а буряты – реже (11%). К сиблингам более всех были привязаны армяне (13%), а менее всех – русские (всего 5% респондентов). Буряты и татары делили по этому показателю среднее место (9%). Чаще всего выбирали неродственников (сюда входили друзья и подруги, а также партнеры противоположного пола) русские (24%), чуть реже татары (21%) и армяне (18%), наиболее редко – буряты (12%).

Различия между группами внутри каждой выборки

Под группами подразумеваются объединения респондентов с одинаковым положением среди своих братьев и сестер (СтМ, СрМ, МлМ, СтД, МлД и Ед).

У русских мать в качестве объекта наибольшей привязанности в основном выбирали единственные дети (71%), на 10% меньше – СтД, меньше всего – СрМ (40%). К отцу наиболее были привязаны СтМ (24%), менее всех – Ед (9%). Сиблинги чаще всего оказывались близки СрМ (15%), чуть реже – МлД (8%), а вот первенцы из семей с любым количеством детей к сиблингам относились прохладно – выбирали их всего в 5% случаев. Различия между группами значимы: $\chi^2 = 9,492$, $df = 4$, $p < 0,05$.

У **крымских** татар наблюдались достоверные различия по предпочтениям в выборе объекта общей привязанности в зависимости от количества детей в семье и порядка рождения респондентов ($\chi^2 = 22,241$, $df = 5$, $p = 0,000$).

На первом месте по привязанности к матери оказались СрМ (76%), на втором – СтМ (67%), на третьем – Ед (52%), на последнем – МлД (36%). К отцу были чрезвычайно привязаны дети из двухдетных семей (особенно МлД – 29%) и единственные отпрыски (21%). Менее всего отношения с отцом были важны для СрМ (6%). В выборе сиблингов во всех группах довольно ровная тенденция (ок. 10%), только МлМ набрали здесь всего 4%. Вопреки всем предсказаниям эволюционной психологии СрМ были наименее всего привязаны к неродственникам (всего 6%), а МлМ больше всего (43%).

Все группы в **армянской** выборке, за исключением единственных детей, были удивительно единодушны в выборе матери как объекта общей привязанности: от 52% (МлМ) до 57% (СтМ). Из Ед выбрали мать 77%.

По всем остальным объектам выбора различия статистически незначимы. В двухдетных семьях отмечается такая же тенденция, как и в предыдущих двух выборках: младшие больше предпочитали старших сиблингов (22%), чем последние их (8%). СтД чаще всех выбирали друзей и партнеров (22%). В многодетных семьях к сиблингам сильнее других были привязаны средние дети (21%).

В **бурятских** данных не найдено статистически значимых различий между группами. Мать в качестве наиболее близкого человека чаще были склонны выбирать Ед (80%), реже всего – СтМ (57%). В двухдетных семьях при полной идентичности выбора матери (по 69%) отца меньше предпочитали старшие (3%), больше – младшие (17%) дети; своих сиблингов, как и во всех предыдущих выборках, сильнее любили младшие (10% против 6% у СтД); друзей и партнеров выбирали реже МлД (3%), чаще СтД (22%). К неродственникам у бурят вообще больше других были привязаны именно первенцы, независимо от количества детей в семье. Средние дети чуть чаще других выбирали отца (17%) и очень редко – сиблингов и неродственников (10 и 7% соответственно).

В целом ни старшие, ни средние дети в бурятской выборке не демонстрировали ни одной из предсказываемых Ф. Салловеем тенденций.

Различия между одинаковыми группами из разных культур

Мать своим самым близким человеком больше были склонны выбирать СтМ у крымских татар (67%), а

меньше всех – русские (45%), которые, по-видимому, это компенсировали привязанностью к отцу (25%), данный показатель у них самый высокий среди всех выборов, тогда как у татар – самый низкий (10%).

Русские реже всех выбирали сиблингов (5%) и, наоборот, чаще других – друзей и партнеров (25%). Татары демонстрировали минимальное предпочтение друзей (12%). СтМ у армян и бурят по всем объектам занимали промежуточное положение между русскими и крымскими татарами и почти не отличались друг от друга. Уровень различий между выборками для СтМ не значим.

У русских и татарских СрМ ситуация с выбором матери была такой же, как и у СтМ: русские меньше всех привязаны к матери (40%), а татары – больше других (76%).

Отца в качестве объекта привязанности реже всех выбирали СрМ из татарской группы (6%). Сиблингов чаще выбирали армяне (21%), а неродственников – русские (30%). У средних детей кросс-культурные различия по привязанности были значимы: $\chi^2 = 11,402$, $p = 0,01$, $df = 3$.

Из анализа всех данных о МлМ нам, к сожалению, пришлось исключить русских респондентов, т.к. оставшаяся после всех отборочных процедур выборка оказалась совсем незначительной (5 чел.). Мать как объект привязанности чаще всех среди МлМ выбирали буряты (70%), реже других – татары (43%).

Отца самым близким человеком чаще всего считали МлМ из армянской группы (18%). Всего 4% крымских татар были привязаны к своим сиблингам при 15% таковых у армян и бурят. Татары были максимально близки к неродственникам (43%), а буряты – почти совсем не привязаны к ним (всего 5%). Эти различия значимы на уровне $p < 0,05$, $\chi^2 = 8,613$, $df = 3$.

В оставшихся трех группах испытуемых (СтД, МлД, Ед) все различия между выборками были не значимы.

Обобщая данные по этой части анализа, можно сделать следующие выводы. По картине привязанностей старшие и средние дети в многодетной семье оказываются весьма схожими, только неродственников средние выбирают меньше, чем сиблингов, а старшие – наоборот. Аналогичная модель была бы справедлива и для младших сиблингов, если бы армяне не так выделялись по предпочтению отца, а крымские татары (МлМ) были больше привязаны к матери. Русские СрМ оставили далеко позади всех остальных в выборе неродственников, а СтМ, наоборот, минимально склонны считать неродственников своими самыми близкими людьми.

Таблица 1. Ранги респондентов по материнскому фаворитизму, которые они себе наиболее склонны присваивать, во взаимосвязи с привязанностью этих респондентов к матери или к другим лицам

Респонденты, выбравшие в качестве объекта привязанности:	Русские	Крымские татары	Армяне	Буряты	Четыре выборки
<i>Респонденты всех категорий</i>					
мать	1	1	1	2	1
отца, сиблингов или неродственников	2	1	1	1	1
Значимость различий между этими двумя показателями	Z = 1,542 p < 0,05*				
<i>Средние дети</i>					
мать	Нет данных	2	2	2	2
отца, сиблингов или неродственников	1 и 2	3	3	Нет данных	3
Значимость различий между этими двумя показателями	Различия не значимы				

* По тесту Колмогорова – Смирнова для двух независимых выборок.

Связь привязанностей респондентов с материнским фаворитизмом

Для проверки одного из самых основных постулатов эволюционной психологии о том, что родительское предпочтение прямым образом влияет на привязанность к семье, мы предприняли следующий анализ. Поскольку в нашей анкете вопрос задавался только о материнском (а не о родительском вообще) фаворитизме, то данные по респондентам из каждой выборки были разделены на две части: выбравшие мать как объект своей привязанности и выбравшие любое другое лицо (отца, сиблингов, неродственников). В каждом из этих двух случаев мы рассмотрели ранг по материнскому фаворитизму, который респонденты наиболее склонны присваивать себе (табл. 1).

При анализе выборок целиком мы выявили, что предсказанная Ф. Салловэем и его коллегами связь наличествует только у русских: выбравшие мать ставили себе первый ранг по фаворитизму, а выбравшие других лиц – второй (Z = 1,542, p < 0,05). У бурят тенденция противоположная: респонденты, называвшие себя маминими любимцами, самым близким человеком считали не ее, а отца, сиблингов или вообще неродных людей. Однако все различия в этом анализе оказались статистически незначимыми. Крымские татары и армяне чаще ставили себя на первое место вне зависимости от выбора наиболее близкого человека.

Далее мы рассмотрим, как связан материнский фаворитизм с привязанностями только у средних детей. К сожалению, количество респондентов из русской группы, выбравших мать, а также из бурятской, выбравших отца, сиблингов или неродственников как объект привязанности, было незначительным, что не позволило оценить у них соответствующие параметры. Но крымские татары и армяне продемонстрировали тенденцию, казалось бы, оправдывающую на-

дежды эволюционных психологов, если бы она была статистически значимой, что не соответствует действительности. Те, кто поставил себя на второе место по материнскому фаворитизму (а как следует из табл. 1, это самый высокий ранг для средних детей), чаще называют мать в качестве объекта привязанности, а те, кто на последнем месте, – других лиц. Но напоминаем, что различия между подгруппами (выбравшие мать и выбравшие других) у средних детей во всех случаях статистически не значимы.

Влияние возраста матери на привязанность к ней

Эволюционные психологи считают, что чем старше мать, тем больше она привязана к своему ребенку и он отвечает ей тем же. Отсутствие прямо пропорциональной зависимости между материнским фаворитизмом и привязанностями детей мы уже можем констатировать по результатам предыдущего этапа анализа. Теперь обратимся к фактору возраста матери в момент рождения индивида. В качестве границы для разделения матерей на две группы мы приняли возраст 28 лет – медиану по нашей выборке. На этот же возраст пришлась и медиана по данным К. Сэлмон и М. Дэли [Salmon, Daly, 1998].

Собранный нами материал показал, что выбор матери как объекта привязанности фактически не связан с ее возрастом, т.к. разница между частотами ее выбора в группах “ранних” и “поздних” минимальна и статистически не значима (табл. 2).

Чтобы проверить этот факт, был предпринят еще один шаг в анализе влияния возраста матери, где мы сделали критерий отбора более жестким. Воспользовавшись методом крайних групп, мы выделили из выборок следующие две группы респондентов: тех, кто

Таблица 2. Процент респондентов, указавших мать как объект наибольшей привязанности в случаях, когда ее возраст в момент рождения респондента был меньше или больше 28 лет

Выборка	< 28 лет	≥ 28 лет	Разница между данными показателями
Русские	58,7	63,0	4,3
Крымские татары	55,1	46,2	- 6,4*
Армяне	56,3	56,1	- 0,2
Буряты	67,3	66,7	- 0,6
Все четыре выборки	58,2	57,8	- 0,4
Средние дети из всех четырех выборок	64,0	58,0	- 6,0

* Минус указывает на закономерность, обратную предложенной эволюционными психологами: респонденты, родившиеся у более молодых матерей, предпочитают их даже больше, чем родившиеся у матерей после 28 лет. Различия между группами < 28 лет и ≥ 28 лет во всех выборках статистически не значимы (тест Колмогорова – Смирнова).

родился, когда матери было 22 года и меньше, и тех, кто родился у матерей 32 лет и старше. Однако результат остался таким же: единственная более или менее значительная разница между выбором матери в этих двух группах (7,1% у средних детей из всех четырех выборок) оказалась статистически незначимой (табл. 3).

Связь привязанности к матери с “семейной ролью”

Напомним, что в соответствии с целями данного исследования мы выделяли две роли, которые индивид может играть в родительской семье: противостоящего семейным нормам и ценностям мятежника и ми-

Таблица 3. Процент респондентов, указавших мать как объект наибольшей привязанности в случаях, когда ее возраст в момент рождения респондента был меньше 22 лет или больше 32 лет

Выборка	≤ 22 лет	≥ 32 лет	Разница между данными показателями
Русские	64,3	62,8	4,3
Крымские татары	52,1	56,0	3,9
Армяне	54,8	53,8	- 1,0
Буряты	60,0	53,3	- 6,7
Все четыре выборки	57,1	57,4	0,3
Средние дети из всех четырех выборок	40,0	57,1	7,1*

* В данном случае высокий результат статистически недостоверен, т.к. $Z = 0,514$, $p = 0,995$ (тест Колмогорова – Смирнова для двух независимых выборок).

ротворца, улаживающего конфликты в семье. Чтобы оценить, будет ли наблюдаться связь между выбором респондентом объекта привязанности и той “семейной ролью”, которую он себе приписывает, мы разделили выборки на две группы: те, кто считает мать самым близким человеком, и привязанные к любому другому лицу (отцу, сиблингу или неродственнику). В обоих случаях мы выявляли, мятежником или семейным миротворцем респонденты были более склонны себя считать.

Из табл. 4 видно, что все опрошенные независимо от выборки и от того, средние они по порядку рождения или нет, называют себя семейными миротворцами, если они выбирают мать как объект привязанности, и мятежниками, если выбирают других лиц.

Таблица 4. Связь между присвоением респондентами себе “семейной роли” мятежника или миротворца и их привязанностью к матери

Выборка		“Семейная роль” респондентов, указывающих как объект привязанности:	
		мать	отца, сиблингов или неродственников
Русские	все	Миротворец	Мятежник
Крымские татары	средние дети	Недостаточно данных	Недостаточно данных
Армяне	все	Миротворец	Мятежник
Буряты	средние дети	»	»
	все	»	»
	средние дети	»	»
Значимость различий между выборками (тест Краскела – Уоллиса, $df = 3$)	все	$\chi^2 = 12,823$, $p = 0,000$	$\chi^2 = 41,600$, $p = 0,000$
	средние дети	Различия не значимы	

Связь привязанностей с личностными чертами

В соответствии с эволюционно-психологическим подходом можно предположить, что респонденты, выбирающие мать в качестве объекта наибольшей привязанности, будут обладать “чертами старшего ребенка”, который якобы больше всех привязан к матери и защищает семейные ценности, т.е. они будут амбициозными, серьезными, тревожными и соблюдающими условности. Однако, по нашим данным, все респонденты, указавшие мать как самого близкого человека, независимо от выборки были, наоборот, мечтателями, мягкими и любителями развлечений. Соблюдение условностей приписали себе только буряты, а тревожными себя сочли лишь армяне. Средние дети из данной группы были тоже мягкими, любителями развлечений, но при этом соблюдали условности, а армяне и буряты считали себя и мечтателями.

Что касается респондентов, выбравших не мать, а других лиц, то у некоторых из них (а именно, у русских и армян) выявлена тенденция называть себя чуждыми условностям, при все той же любви к развлечениям, которую, на наш взгляд, уже нельзя рассматривать как специфическую черту, – она обнаруживается практически у всех респондентов. Все средние дети, называя самым близким человеком отца, сиблингов или неродственников, остаются мечтателями, армяне – мягкими, русские и крымские татары – соблюдающими условности. Все СрМ независимо от национальной принадлежности в этой группе отмечают свою тревожность.

Обсуждение результатов

Общая цель нашей работы – это эмпирическая проверка некоторых постулатов эволюционно-психологической концепции порядка рождения и ответ на вопрос, являются ли закономерности формирования паттерна привязанностей у индивидов разной категории по порядку рождения универсальными или культурно-специфичными. В анализе результатов большое внимание уделено сравнению полученных данных с ожиданиями эволюционных психологов, а также осуществлена попытка прокомментировать “семейную нишу”, которую занимают средние дети в разных выборках, по возможности в сравнении ее с “нишами” старших и младших детей. Под термином “семейная ниша” Ф. Салловэй [Sulloway, 1995, 1996] и другие западные авторы понимают то, что в отечественной психологии принято называть индивидуальной средой ребенка в рамках семьи [Равич-Щербо, Марютина, Григоренко, 1999]. “Семейная ниша”, по словам

Ф. Салловэя [Sulloway, 1996], играет основополагающую роль в формировании личностных черт человека. Поэтому, зная детали условий жизни ребенка в семье и характер его отношений с родителями и братьями-сестрами, можно объяснить особенности его поведения во взрослом состоянии и стратегии жизненного успеха. Безусловно, наше исследование не дает полной картины всех факторов, составлявших “семейную нишу”. Поэтому мы строили модели, исходя из данных о субъективно воспринимаемом материнском фаворитизме, привязанностях респондентов, их “семейной роли” и самооценке по пяти шкалам личностных черт.

Эволюционно-психологические закономерности, связанные со структурой привязанностей, в полной мере выявлены только у русских [Бутовская, Бойко, 2001]. Действительно, средние дети меньше других привязаны к родителям, сильно – к сиблингам и более всего – к друзьям и партнерам. У крымских татар они демонстрируют модель привязанностей, практически полностью противоположную предсказаниям эволюционных психологов: мать близка средним детям гораздо больше, чем старшим и младшим, кроме того, средние дети меньше всего привязаны к неродственникам. Армяне не обнаруживают каких-либо ярких тенденций в картине привязанностей, кроме, пожалуй, несколько более выраженного предпочтения сиблингов у средних детей. В бурятской выборке ни старшие, ни средние дети не демонстрируют ни одной из предсказываемых Ф. Салловэем тенденций.

Любопытен тот факт, что у крымских татар средние дети чаще, чем все другие группы, выбирают мать и родственников в качестве объекта своей наибольшей привязанности (против всех ожиданий Ф. Салловэя и его коллег). Возможно, это обусловлено тем, что крымские татары в силу до сих пор сохраняющихся черт родового общества [Червонная, 1997] существенно ограничены в своем общении кругом родственников, в результате чего с друзьями и партнерами они общаются меньше, чем русские. Если русский ребенок по каким-либо причинам ощущает недостаточную поддержку и заботу в семье, он имеет больше возможностей компенсировать эту нехватку в общении с друзьями и партнерами. У русских в круг первостепенных партнеров по общению традиционно включались друзья и потенциальные женихи и невесты, у крымских татар, армян и бурят – преимущественно родственники. Таким образом, весьма вероятно, что привязанность крымских татар к матери и к родне является компенсаторным психологическим механизмом, а не свидетельством ответной реакции на сильное материнское предпочтение. Тем более что по собственному ощущению средних детей у татар мать любит их как раз меньше остальных сиблингов.

У нас есть и другое предположение относительно нестандартного паттерна привязанностей у крымских татар. Ведь вместо матери в положении наименее популярного у средних детей оказался отец. Возможно, именно он, будучи главой семьи, полностью реализует адаптивную стратегию родителя, описанную эволюционными психологами. Русские же средние дети привязаны к отцу в 2 раза сильнее татарских. Можно было предположить, что это связано с преобладанием юношей в русской выборке по сравнению с татарской, однако соотношение респондентов по полу в данной категории почти равное.

Что касается материнского фаворитизма и привязанностей респондентов, то только русские продемонстрировали четко выраженную тенденцию выбирать мать как наиболее близкого человека, когда они сами любимы ею больше, нежели сиблинги. Данный факт свидетельствует в пользу нашей догадки об искажениях в семейных отношениях в культурах с большей ориентацией на семейные ценности (в нашем исследовании это татары, армяне и буряты). Если же обратиться к привязанностям у русских вне зависимости от фаворитизма, то средние дети выбирали родителей и сиблингов действительно реже всех остальных, а друзей и партнеров – гораздо чаще. Ни в одной из трех традиционных культур такой “чистой эволюционно-психологической” закономерности не наблюдается. Таким образом, подтверждается и наша гипотеза о том, что эффекты порядка рождения, связанные с привязанностями к родственникам и неродственникам, будут воспроизводиться только в московской выборке, т.к. она состоит из представителей современной индустриальной культуры.

Результаты нашего исследования не подтвердили положение эволюционных психологов о влиянии возраста матери на восприятие ребенком степени ее привязанности к нему и на взаимность этой привязанности. Выбор респондентами матери как самого близкого человека, по нашим данным, вообще не зависит от ее возраста, что противоречит результатам, полученным К. Сэлмон и М. Дэли в Канаде [Salmon, 1998; Salmon, Daly, 1998].

Теперь обратимся к личностным особенностям. Поражает, что связь между выбором матери в качестве объекта привязанности и обозначением себя как семейного миротворца, с одной стороны, и между выбором прочих лиц и ролью мятежника – с другой, четко прослеживается абсолютно во всех выборках (как в целом, так и отдельно среди средних детей). Следовательно, привязанность к матери и просемейная позиция действительно взаимосвязаны так, как это видят эволюционные психологи.

В случае ранжирования себя по шкалам пяти личностных характеристик респондентами из многодетных семей у нас также есть все основания констати-

ровать, что эволюционно-психологические гипотезы относительно атрибуции некоторых личностных черт индивидам, привязанным больше всего к матери, не подтверждаются. Возможно, армянские старшие дети приписывали себе чуждость условностям, т.к., будучи любимцами родителей, они могли себе это “безнаказанно” позволить.

Подводя итоги, необходимо сказать о возможной детерминированности некоторых результатов особенностями выборки. Например, большинство респондентов, даже первенцев, указывали, что они являются любителями развлечений, а не серьезными. Поскольку выборки состоят в основном из студентов первого – третьего курсов, эта черта, вероятно, свойственна им в силу данного социально-возрастного статуса.

Выводы

1. Эволюционно-психологическая концепция порядка рождения предполагает, что средние дети пользуются меньшей любовью матери, чем их братья и сестры, в силу их наименьшего вклада в т.н. родительскую эволюционную приспособленность. Согласно нашим данным, в чистом виде такая модель привязанностей наблюдается только у русских. Материнский фаворитизм не принимал формы, предсказываемые Ф. Салловэем, ни в одной из четырех изученных нами выборок.

2. Американский исследователь утверждал, что первенцам свойственны амбициозность, трудолюбие, серьезность, соблюдение общественных условностей и повышенная тревожность, что они ориентированы на семейные ценности; для детей, родившихся позднее, якобы характерны мягкосердечность, неприятие условностей, склонность к риску и развлечениям, противостояние семейным нормам и традициям, что наиболее остро должно быть выражено у средних детей, как наименее любимых. Согласно результатам нашего исследования, некоторые из этих тенденций (любовь к развлечениям в противоположность трезвости и серьезности и соблюдение общественных условностей) демонстрируются большинством опрошенных независимо от этнической принадлежности и порядка рождения. На проявление остальных изученных нами черт личности респондентов в зависимости от порядка рождения, по всей видимости, все же сильно влияют этнокультурные особенности среды.

3. Эволюционно-психологическая концепция порядка рождения частично подтверждается на примере четырех исследованных нами культур в отношении связи между порядком рождения и привязанностью к родственникам.

Список литературы

- Басаева К.Д.** Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX века) / Отв. ред. П.Т. Хаптаев. – Новосибирск: Наука, 1980. – 287 с.
- Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю.** Родительский фаворитизм и особенности формирования стилей поведения у детей в зависимости от порядка рождения: биосоциальные аспекты // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 6. – С. 67 – 81.
- Вдовин И.С.** Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. – Л.: Наука, 1979. – 135 с.
- Вяткина К.В.** Очерки культуры и быта бурят. – Л.: Наука, 1969. – 90 с.
- Жуковская Н.Л.** Возрождение буддизма в Бурятии: проблемы и перспективы. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 15 с.
- Карапетян Э.Т.** Армянская семейная община. – Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1958. – 112 с.
- Нацов Г.Д.** Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 1995. – 148 с.
- Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л.** Психогенетика. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 447 с.
- Тер-Саркисянц А.Е.** Армяне: История и этнокультурные традиции. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – 400 с.
- Хаптаев П.Т.** Современный быт и этнокультурные процессы в Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 154 с.
- Червоная С.М.** Крымско-татарское национальное движение (1994 – 1996). – М.: ИЭА РАН, 1997. – 42 с.
- Эрдниев Е.** Калмыки. – Элиста: Калмыкия, 1980. – 302 с.
- Berezckei T., Dunbar R.I.M.** Female-biased reproductive strategies in a Hungarian Gypsy population // Proceedings of the Royal Society of London B. – 1997. – Vol. 264. – P. 17 – 22.
- Buss D.** Evolutionary psychology. – Boston; London; Toronto: Allyn&Bacon, 1999. – 456 p.
- Clutton-Brock T.H.** The evolution of parental care. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. – 352 p.
- Cronk L.** Intention versus behaviour in parental sex preferences among the Mukogodo of Kenya // Journal of Biosocial Science. – 1991. – Vol. 23. – P. 229 – 240.
- Daly M., Wilson M.** A sociological analysis of human infanticide // Infanticide: comparative and evolutionary perspectives / Eds. G. Hausfater, S.B. Hrdy. – N.Y.: Aldine, 1984. – P. 503 – 520.
- Daly M., Wilson M.** Discriminative parental solicitude and the relevance of evolutionary models to the analysis of motivational systems // The Cognitive Neurosciences / Ed. by M. Gazzaniga. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – P. 1269 – 1286.
- Hamilton W.D.** The Genetical Evolution of Social Behavior // Journal of Theoretical Biology. – 1964. – Vol. 7. – P. 1 – 16; 17 – 32.
- Hrdy S.B.** Mother nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection. – N.Y.: Pantheon Books, 1999. – 723 p.
- Mealey L.** Sex Differences: Development and Evolutionary Strategies. – San Diego: Academic Press, 2000. – 480 p.
- Rohde P., Atzwanger K., Butovskaya M., Lampert A., Mysterud I., Sanchez-Andres A., Sulloway F.** Perceived parental favouritism, closeness to kin and the rebel of the family: the effects of birth order and sex // Evolution and Human Behavior. – 2003. – Vol. 24, N 4. – P. 261 – 276.
- Salmon C.A.** On the impact of sex and birth order on contact with kin // Human Nature. – 1998. – Vol. 10, N 2. – P. 183 – 197.
- Salmon C.A., Daly M.** Birth order and familial sentiment: middleborns are different // Evolution and Human Behavior. – 1998. – Vol. 19. – P. 299 – 312.
- Sulloway F.J.** Birth order and evolutionary psychology: a meta-analytic overview // Psychological Inquiry. – 1995. – Vol. 6. – P. 75 – 80.
- Sulloway F.J.** Born to Rebel: Birth Order, Family Dynamics and Creative Lives. – N.Y.: Pantheon, 1996. – 653 p.
- Symons D.** Precis of “The evolution of human sexuality” // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3. – P. 171 – 214.
- Trivers R.L.** Parental investment and sexual selection // Sexual selection and the descent of man / Ed. by B. Campbell. – Chicago: Aldine, 1972. – P. 136 – 179.
- Trivers R.L.** Parent-offspring conflict // American Zoologist. – 1974. – Vol. 14. – P. 249 – 264.
- Trivers R.L., Willard D.** Natural selection of parental ability to vary the sex-ratio of offspring // Science. – 1973. – Vol. 179. – P. 90 – 92.

Материал поступил в редколлегия 25.08.03 г.

НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

В последние годы древняя история и археология древних народов Евразии привлекает все большее внимание ученых разных стран. Если раньше их изучением занимались почти исключительно восточно-европейские, особенно советские специалисты, то в последнее десятилетие ситуация изменилась. Хорошо известны, например, совместные археологические исследования Немецкого археологического института и Российской академии наук.

Еще одним свидетельством интернационализации евразийских исследований стало принятие Международным союзом академий нового проекта. Международный союз академий был создан осенью 1919 г. в Париже с целью объединения академического сообщества всего мира. Российская академия наук была среди академий-основательниц Международного союза (Российскую академию в нем представлял акад. М.И. Ростовцев). К сожалению, впоследствии в связи со свертыванием международных связей советских ученых членство Академии наук СССР в Международном союзе прекратилось. Российская академия наук вернулась в него только в 1999 г.

Одним из главных направлений деятельности Союза является координация крупных международных проектов, объединяющих усилия академий нескольких стран. Первым проектом сообщества было издание “Корпуса древних vaz”, в котором публиковались античные расписные вазы, хранящиеся в коллекциях разных музеев мира. В свет вышло уже более 200 томов. В настоящее время под эгидой Международного союза академий осуществляется еще ок. 60 научных проектов.

В 2002 г. годовая сессия Международного союза академий по предложению Российской академии наук приняла новый проект – “Скифо-сарматский мир и античная цивилизация”. В исследованиях по проекту принимают участие российские ученые, а также представители Украины, Грузии, Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Франции, Великобритании, Дании, США. В рамках проекта предусмотрено выпустить “Корпус скифских и сарматских

курганов” и новый корпус греческих и латинских надписей Северного Причерноморья. В книгах первой серии, о необходимости создания которой писал еще М.И. Ростовцев, на русском и английском языках будут публиковаться полные научные материалы о курганах скифов и сарматов. Первый том серии, посвященный Краснознаменским курганам в районе Ставрополя, готов к печати. Второй корпус будет подготовлен в форме компьютерной базы данных и печатного издания на русском и французском языках. При создании компьютерной базы данных используется специальная программа PETAPE, созданная в Университете Бордо для обработки древних надписей.

Осенью 2002 г. в Бордо под эгидой Международного союза академий был проведен конгресс “Античные города, варварские царства и мировые империи в Северном Причерноморье: проблемы формирования и развития экономического, культурного и политического койне”. В конгрессе участвовало 40 ведущих специалистов по древней истории и археологии Северного Причерноморья из десяти стран. Этот научный форум дал возможность не только подвести итоги научных исследований, но и обсудить перспективы, а также наметить конкретные формы дальнейшего сотрудничества в рамках проекта. Желательно было бы расширить тематику, представленную в рамках проекта. В нем пока плохо отражена, например, восточная часть евразийских степей, территории Урала, Сибири и Средней Азии. Однако адекватное понимание скифо-сарматской культуры совершенно невозможно без пристального внимания к этим территориям, материалы которых являются ключом к решению многих проблем евразийских культур в целом.

Г.М. Бонгард-Левин

*Контактный адрес координаторов проекта:
Ленинский пр., 32А, офис 1501 (ВДИ),*

Москва, 117334, Россия

тел. (7 095) 938 – 5228, факс (7 095) 938 – 1912

E-mail: ivantchik@montaigne.u-bordeaux.fr